

ОККУПАЦИОННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ БЕЛОРУССКОГО ПОДВИНЬЯ В ДОКУМЕНТАХ ДВИЖЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ

канд. ист. наук, доц. Е.А. ГРЕБЕНЬ

Белорусский государственный аграрный технический университет, Минск

На основе данных партизанской разведки реконструируется повседневная жизнь населения Подвинья в условиях нацистской оккупации на примере г. Полоцка. Отмечается, что, в виду того, что документы местной вспомогательной администрации г. Полоцка не сохранились, введение в научный оборот документов движения Сопротивления очень важно. Данная группа источников позволяет охарактеризовать отдельные аспекты жизни и быта горожан, но некоторые моменты не соответствуют общей картине оккупационной повседневности, реконструируемой на основе документов немецкой оккупационной и местной вспомогательной администрации.

Ключевые слова: *повседневность, нацистская оккупация, Беларусь.*

Введение. Возможность реконструкции истории повседневности на локальном уровне зависит от сохранности источников конкретного периода. Имеющиеся в государственных областных архивах и Национальном архиве Республики Беларусь документы периода нацистской оккупации сохранились крайне неоднородно. Относительно одних административно-территориальных единиц они представлены исключительно полно, счет может идти на тысячи и даже десятки тысяч документов, по другим сохранность фрагментарная или же документы могут отсутствовать полностью. В частности, относительно города Полоцка не сохранились документы городской управы, соответственно, реконструкция повседневной жизни горожан возможна только лишь на основе устной истории и немногочисленных документов движения Сопротивления [1].

Социально-экономическая и общественно-политическая ситуация в оккупированных городах всегда была объектом внимания белорусских партизан и подпольщиков, которые по крупицам собирали информацию от разведчиков и перебежчиков и составляли аналитические обзоры. Впервые анализ некоторых документов, характеризующих ситуацию в оккупированном Полоцке произведен исследователем А.И. Корсак [2, 3]. В то же время, в фондах Национального архива Республики Беларусь имеются документы, введение которых в научный оборот поможет расширить представление об оккупационной повседневности.

Основная часть. Для реконструкции ситуации в оккупированном г. Полоцке интерес представляют три документа, составленные на основе донесения партизанской агенты и перебежчиков: «Некоторые данные о гор. Полоцке» (датирован 22.07.1943 г.), «Донесение» (охватывает период 15.01.1941 г. – 20.10.1942 г.) и «Беседа с командиром партизанского отряда майором Шрамко Алексеем Федоровичем (бригада Марченко)» (крайняя упоминаемая дата – 12.12.1942 г.) [4, л. 90–97; 5, л. 121–124; 6, л. 11–27].

Численность населения оккупированного Полоцка в разных документах оценивалась в 14 – 15000 чел. (без указания даты), чуть более 15000 на 1.10.1942 г. и в 17000 чел. в июле 1943 г. (к этому времени умерло 400 чел., 2500 чел. было расстреляно) [6, л. 15; 5, л. 122 об.; 4, л. 91]. Довоенное население оценивалось в 29000 чел., а вместе с семьями военнослужащих РККА до 40000 чел. [5. л. 122об.].

В документах охарактеризованы структура местной вспомогательной администрации и личности отдельных ее руководителей. Так, в составе городской управы имелись отделы культурно-просветительский, финансовый, снабжения, городского хозяйства, строительный, местной промышленности, общий отдел и отдел народного образования. Личность бургомистра, охарактеризованного как «некто», то есть подробные сведения о нем отсутствовали, как и фактически обо всех руководителях подразделений. Больше сведений имелось о начальнике отдела «культпросвета» (явно использован советский штамп в названии структурного подразделения городской управы), который охарактеризован как «ярый антисоветчик». Сообщается, что ранее жил в Москве, но во время боев за город с семьей перебежал к немцам, работал лектором, посещал Берлин, выступал в лагерях военнопленных, является руководителем «мракобесов-попов и сектантов» (последняя характеристика не расшифровывается). В составе районной управы отмечены общий, финансовый и отдел народного образования. Районный бургомистр в предвоенные годы был осужден советской властью, а начальник отдела народного образования охарактеризован как советский, по убеждениям, человек [4, л. 90]. Последнее обстоятельство доверять бумагу было опасно, учитывая возможность попадания документа в руки врага, что неизбежно повлекло бы репрессии против него. Городская полиция (паспортный и криминальный отделы) была набрана из добровольцев из числа местного населения, возглавлялась 22-летним жителем Полоцка, также имевшим судимость перед войной [4, л. 91].

Отмечалось наличие в городе множества жителей, сочувствующих движению Сопротивления; таковые были на каждом предприятии, учреждении, в городской и районной управах [5, л. 123]. В результате 20.10.1942 г. жандармерия и СС провели в городе массовые аресты, происходившие без участия местной полиции, которую немцы не считали надежной. Была оцеплена городская управа, арестован бургомистра, начальник отделов, в том числе криминального отдела полиции, начальник районной полиции, начальник уездной управы, переводчики управ, ВИКО и ортскомендатуры, полицейские, врачи, работники железной дороги, а также семьи некоторых сотрудников. Арестованных чиновников заменили сотрудниками местной администрации, бежавшими от партизан из Россонского района. Информация об арестах была получена партизанами от сотрудника отдела снабжения городской управы, которому удалось бежать [5, л. 124]. Обращает на себя внимание тот факт, что разные источники информации и составители аналитических отчетов дают различные оценки персоналий сотрудников местной администрации и полиции. Если в «Некоторых данных о гор. Полоцке» начальник земской (очевидно, окружной – Е.Г.) управы, немец по национальности, охарактеризован как виновник гибели и наказания палочными ударами многих людей, то в «Донесении» сообщается, что во время массовых арестов 20.10.1942 г. он также был арестован немцами [4, л. 90; 5, л. 124].

Донесения партизанских разведчиков фиксировали тотальный контроль над населением со стороны гестапо, жандармерии и местной полиции. В городе действовала разветвленная сеть осведомителей во всех учреждениях, предприятиях и на каждой улице.

Гісторыя і краязнаўства рэгіёна і сумежных тэрыторый (1917–1945 г.)

Выпускнікі немецкай разведшколы работалі ў самым Полоцку і ў раёнах, дзе выяўлялі партызан. У гораде рэгулярна праводзіліся масавыя арэсты, ў асноўным па ночам, рабочыя і служачыя правяраліся з мэтай выяўлення камуністаў, савецкіх дзеячэй, ліц, імаючых родствэннікаў-партызан і проста неблаганадзейных для акупантаў грамадзян. На фоне зверстваў акупантаў рос інтэрес к савецкім лістоўкам, якія людзі зачытывалі до дыр [4, л. 92–93].

Помімо структуры мясцовай впамагательнай адміністрацыі ў дакументах значацца такія ўчрежденьні горада як театр, аб дзейнасьці якога сьведеньні не даецца, і тры (па другім даным чатыры) школы, работаючыя без праграм і ўчебнікаў; ў тэчэньне прэдыдучага года яны праработалі ў агульнай складанасьці не больш за тры месяцы. Задачу школ аўтар дакумента, са ссылайкай на немецкага коменданта, апрадэляў ў тым, каб заняць врэмя ўчащихся, «каб яны не балталіся без дэла» [4, л. 91; 5, л. 122 аб.]. У гораде такжэ быў дэцкі дом (акало 200 дэцяў) і дом інвалідаў (акало 70 чэл.) [5, л. 123 аб.].

У «Бэсэде с камандірам партызанскага атрада» даюцца агульныя сьведеньні аб арганізацыі акупачнага апарата, інфармацыя аб немецкіх сілавых структурах, налагах, коменданцкім часе, парядку сьдэжэньня скота і другіх аспэктах акупачнага рэжыма без прывязкі к канкрэтнай адміністрацыйна-тэрытарыяльнай адзінцы. Далей характэрызуецца прамысловы пэтанцыял Полоцка і Полоцкага раёна па састаяньню на 15.08.1942 г. Сабэдаецца аб рабце «ваеннага» (очэвідна, сьлэдзэ чытаць вінзавода, с ўчэтам выпускаемай прадукцыі – Е.Г.), мэльніцы, гончарнага фабрыкі і фабрыкі па прадзводству валэнкаў, гвонздыльнага завода і лэсозавода. Вінзавод рабтал ісклучытэльно на немецкую армію, выпускаў бэзалкагольныя сіропы і вінэ крэпэсть до 10° аб'эмом до 500 літраў ў нэдэлю [6, л. 11 – 14].

Рабочы дэнь ў ўчреждэньях саставляў 7,5 часоў, на прэдпрыятых – 10 – 14 часоў. Рабталі мясцовыя бэларусы (паслэ эвакуацыі і прэеэзда часты горажан ў сэльскую мясцовасьць іх было нэмного) і ваенноплэнныя [6, л. 15]. У «Данэсэньні» заработная плата палочан ацэньвалася ў прэдэлах 350 – 400 руб. [4, л. 91]. У «Бэсэде с камандірам партызанскага атрада» сбабэчалася, каб заработная плата рабочых калэбалася ў прэдэлах 15 – 30 рублэй ў дэнь [6, л. 15]. Указанная верхняя планка заработнай платы нэ сбабэствавала дэяствытэльнасьці, во всэх адміністрацыйна-тэрытарыяльных адзінцах акупачнага Бэларусы заработная плата высококваліфіцыраванага рабочага нэ прэвышала 500 руб. ў мэсяц [7].

Отмэчалася нызкая прадзводытэльнасьць мясцовых рабочых, якія пад угрозой побэваў за ўклонэньне імітывалі рабту, абтывая паложэньнэ врэмя. У качэствэ доказатэльства прыводылся прымэр вбсанаवलэньня адной дэрэвяннай фэрмы (до 60 мэтраў дэльнай) разрушэнага мбста чэрез Двину, когда 100 – 120 мясцовых рабочых і група немэцкіх спэцыялістаў пбтрадылі на рабту акало 9 мэсяцэваў. У ітэга паслэ вбсанаवलэньня мбст был разрушэн лэдоходом [6, л. 16].

Па даным партызан, горажанэ ў вбзрастэ от 15-ты до 60-ты лэтаў платылі пбдушны нэлог ў размэре 100 руб.; сущэствавалы зэмэльны нэлог і нэлог со стрбэньняў ў размэре 10 % ацэньнага стбамбстыва, нэлог на сбдэжэньня сабак і кошэкаў [4, л. 91]. Пбслэдняй традыцыйна фігурыруец во всэх аналагычных дакумэнтах партызан, но нэ выявлэн ў дакумэнтах акупачнага і мясцовага впамагательнага адміністрацыі [8]. Очэвідна, упамы-

вание налога на кошек было призвано усилить у читателя ощущение произвола оккупантов. Сообщается, что ремесленники платили налог в размере 25 % дохода, что также являлось преувеличением [4, л. 91; 8].

Указанные в источниках нормы снабжения гражданского населения продуктами питания по карточкам коррелируются с аналогичными данными в документах местной вспомогательной администрации в других регионах оккупированной Беларуси. В частности, в июле 1943 г. работающие мужчины получали паек в размере 1700 гр. хлеба в неделю, женщины – 1500 гр., инвалиды и дети до 14 лет – 700 гр. Отмечены разовые выдачи маргарина и соли [4, л. 91]. Картофель и крупы выдавались с перебоями, недельная норма картофеля для работающих составляла 7 кг, не работающих – 3,5 кг, крупы – 200 и 100 гр. соответственно. Мизерный паек и перебои с поставками в город продовольствия породило тенденцию, когда горожане, в первую очередь женщины, самостоятельно добывали продукты в Западной Беларуси. Горожане, работавшие на железной дороге или при воинских частях, до осени 1942 г. получали в качестве дополнительного пайка 2 – 3 кг хлеба в неделю, немного кофе, табаку и крупы. К осени 1942 г. появились слухи об отмене пайков, но точными сведениями партизаны не располагали (обращает внимание информация на основе слухов – Е.Г.) [5, л. 123]. В городе работало 9 продуктовых магазинов, промтоварный и комиссионный, имелось 2 столовых, которые готовили до 2000 первых блюд ежедневно, к обеду (выдавались по карточкам) полагалось до 100 гр. хлеба, но к лету 1942 г. уже 50 гр. Суп летом готовился в основном из ботвы, изредка с крупой [5, л. 123]. В условиях оккупации местная промышленность фактически прекратила выпуск товаров народного потребления, и купить их можно было только на рынке у спекулянтов. Партизаны имели информацию о разовой за два года оккупации выдаче спичек по 2 – 3 коробки на карточку и табаку сотрудникам учреждений [4, л. 91 – 92].

Поскольку мизерные продуктовые нормы не позволяли человеку выжить, рынок в условиях оккупации являлся фактически единственной альтернативной получения дополнительных продуктов, однако эта альтернатива была относительно высокими цен. Так, пуд ржи на рынке в Полоцке стоил 1200 – 1400 руб., пуд картофеля – до 300 руб. Существовал запрет на продажу немецких товаров, таких как сахарин, мыло [4, л. 91]. Попытка введения немецкими властями фиксированных цен на продукты питания на рынках (например, десяток яиц – 6 руб., литр молока – 1 руб.) привела к сокращению поставок продуктов крестьянами, причем поставки и без того затруднялись в результате контроля партизанами в сельской местности. В результате немецкий комендант разрешил свободное ценообразование [5, л. 123].

Данные партизанской разведки характеризуют стратегии выживания горожан. Сообщается, что хорошо живут только спекулянты и владельцы коров и больших огородов [4, л. 91]. Действительно, жившие на одну мизерную зарплату рабочие и служащие, иждивенцы и пенсионеры были обречены на голодное существование. Доходы ремесленников также в основном были достаточно скромными по причине низкой покупательной способности основной массы городского населения [8]. Исключение составляли только спекулянты, которым сложившаяся социально-экономическая ситуация позволяла получать высокий доход путем перепродажи продуктов питания и товаров народного потребления (последние часто имели немецкое происхождение – Е.Г.). Для живущих на зарплату горожан шансы выжить увеличивались при наличии огородов или коровы; появлялась возможность меньше зависеть от получаемых по карточкам продуктов, а при случае реализовать часть урожая или молока на рынке.

Гісторыя і краязнаўства рэгіёна і сумежных тэрыторый (1917–1945 г.)

Констатировалось отсутствие в городе снабжения электроэнергией (электростанция была частично восстановлена, но не имелось проводов, оборудования и топлива), водой, дровами [6, л. 15 – 16]. Существовал дефицит жилья в результате разрушения жилого фонда во время боев лета 1941 г. и занятия части зданий немцами. В городе имелось две бани, но местные жители могли ими воспользоваться 2 – 3 раза в неделю, в остальное время бани были заняты немцами [6, л. 15].

В центре внимания партизанской разведки были настроения немецких солдат Полоцкого гарнизона. В начале оккупации преобладало бодрое настроение солдат, уверенность в скором окончании войны, вера в Гитлера, гордый вид победителей, полупрезрительное отношение к местному населению. Солдаты были хорошо обеспечены продуктами. В то же время, солдаты старших призывных возрастов, бывшие ранее членами различных политических партий (кроме НСДАП – Е.Г.), очевидно, помнили итоги Первой мировой войны и могли критиковать Гитлера за то, что втянул Германию в большую войну. Негативное отношение к войне демонстрировали отдельные солдаты – выходцы из рабочих, которые заявляли, что как работали у станков, так ничего не изменится [5, л. 121]. Под влиянием затяжной войны вера в Гитлера как в гениального полководца ослабла. На настроение солдат полоцкого гарнизона влияли солдаты, прибывающие с Восточного фронта после отступления от Москвы. Рост партизанской активности, переход под контроль партизан отдаленных деревень вызвал трудности в снабжении немецкого гарнизона продуктами за счет местных ресурсов, что также негативным образом сказалось на настроении немецких солдат. Их моральный дух также падал вследствие прекращения притока из Германии посылок с продуктами, поскольку в рейхе появился дефицит товаров. Кроме того, солдаты стали получать письма с информацией о гибели родственников от бомбардировок авиацией союзников, о дефиците продуктов. В результате, солдаты теперь сами старались послать посылки домой, скупая в городе масло, яйца и другие продукты. Выражался пессимизм относительно возможности победы: «Если за год войны не прошли дальше Вязьмы, то до Урала придется идти еще два года, а затем война с Англией и США». Насколько такие настроения были массовые в данный период судить сложно, но очевидно, что настроения немцев изменились. Также летом 1942 г. в разговорах немецких солдат все чаще фигурировали партизаны [5, л. 122, 122 об.]. Разведка отмечала у немцев дрейф от разговоров о перспективе победоносного окончания войны к нежеланию обсуждать эту тему с местными жителями; к 1943 г. немцы стали злыми и раздражительными, а попытки полочан заговорить на эту тему были чреватые побоями. У немецких солдат присутствовала боязнь отправки на Восточный фронт, причем партизан они боялись меньше, нежели фронта, отмечалось падение веры в полководческие таланты Гитлера, рост интереса к содержанию листовок, случаи дезертирства [4, л. 92].

Внимание партизанской разведки было приковано к железнодорожной станции. До начала 1943 г. здесь работало до полутора тысяч немецких гражданских железнодорожников. В феврале 1943 г. после призыва многих из них в армию численность немецкого персонала сократилась до 400 чел. По сообщениям агентуры, оставшиеся принадлежали к зажиточным слоям немецкого общества (сыновья фабрикантов, торговцев, землевладельцев), поэтому смогли остаться в спокойном тыловом Полоцке и не попасть на фронт. Дается крайне низкая оценка производственно-технического уровня немецких железнодорожников. Отмечается, что все немцы заняты на руководящих должностях либо

контролируют работу местных рабочих: «Убери сейчас русских с железнодорожного узла, и узел станет». Некомпетентность немцев вызывала удивление у тех, кто информировал партизан о ситуации на станции. Приводился конкретные случаи технической безграмотности немцев при проектировании системы водоснабжения депо. Недостаток своей квалифицированной рабочей силы вынуждал немцев использовать местных рабочих, которым в то же время немцы не доверяли и держали при них своих контролеров. Немецкие сотрудники железной дороги имели хорошие продуктовые пайки, которые партизанский источник оценивал выше, чем пайки солдат: в неделю 3,5 кг хлеба, 300 гр. сливочного масла, 300 гр. сахара, 400 гр. меда, 800-граммовая банка мясных консервов или 600 гр. колбасы, 2 банки рыбных консервов по 150 – 200 гр., сыр, 42 сигареты, 50 гр. табаку плюс литр спиртного на месяц и, якобы, не лимитированное количество пива из бочки, стоящей на работе. Немецкие железнодорожники имели также дополнительный доход от спекуляции, продавая местному населению промышленные товары во время поездок, а руководство присваивало часть продуктов, полагавшихся в качестве пайков местным рабочим. Руководящие работники железной дороги характеризуются как люди с узким кругозором, малокультурные, с «отвратительным моральным обликом», имеющие сожительниц из числа местных девушек, регулярно злоупотребляющие алкоголем (партизанский источник даже приписывал немцам самогоноварение) [4, л. 93 – 97].

Немецкие объекты в городе подвергались ударам советской авиации, что периодически влекло жертвы среди гражданского населения и повреждения городской инфраструктуры. Этим обстоятельством пользовалась немецкая пропаганда, устраивавшая истерию о «зверствах большевиков». Автор документа делает довольно неоднозначный вывод о радости полочан авиаударам [4, л. 93]. Разумеется, бомбардировка немецких объектов вселяла в горожан уверенность в скорой победе, но непосредственно пострадавшие от авиаударов вряд ли разделяли радость остальных.

Заключение. Таким образом, документы движения сопротивления ввиду полного отсутствия служебной переписки подразделений Полоцкой городской управы являются, помимо воспоминаний очевидцев, единственным письменным источником, позволяющим получить представление об обстановке в г. Полоцке, одном из крупнейших центров Подвинья. Относительно жизни и быта населения использованные источники чаще всего дают фрагментарные сведения, отдельные аспекты повседневности, такие как нормы обеспечения горожан продуктами, наличие спекуляции, низкие зарплаты рабочих и служащих, соответствуют действительности и полностью коррелируются с документами местной вспомогательной администрации. В то же время документы партизан, создавая общий, негативный фон оккупации, не позволяют детально реконструировать все аспекты повседневной жизни горожан оккупированного Полоцка. Внимание партизанской разведки в первую очередь фокусируется на личностях представителей коллаборационной и оккупационной администрации, немецких сотрудников железнодорожной станции, настроениях немецких солдат.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корсак, А.И. Отношение горожан Полоцка к «новому порядку» в условиях установления нацистской оккупации (1941 г.) в воспоминаниях его жителей / А. И. Корсак //

Гісторыя і краязнаўства рэгіёна і сумежных тэрыторый (1917–1945 г.)

- Беларускае Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў : зб. навук. арт. II міжнар. навук. канф., Полацк, 17–18 красав. 2014 г. : у 2 ч. Ч. 2 / Полацкі дзярж. ун-т ; пад агулн. рэд. Д.У. Дука, У.А. Лобача, С.А. Шыдлоўскага. – Наваполацк : ПДУ, 2014. – С. 100–104.
2. Корсак, А.И. Документы Национального архива Республики Беларусь о положении Полоцка в условиях оккупационного режима (1941–1944 гг.) / А.И. Корсак // Беларуская Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў : зб. навук. арт. III міжнар. навук.-практ. канф., Полацк, 14–15 крас. 2016 г. : у 2 ч. / Полацкі дзярж. ун-т ; пад агул. рэд.: Д.У. Дука, У.А. Лобача, А. І. Корсак. – Наваполацк, 2016. – Ч. 2. – С. 246–249.
 3. Корсак, А.И. Разведданные партизан 3-й Белорусской партизанской бригады как источник для изучения нацистского оккупационного режима в г. Полоцке (1941–1944 гг.) / А.И. Корсак // Победа – одна на всех : материалы междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 24 апр. 2014 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол. : А.И. Жук и А.А. Коваленя (отв. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2014. – С. 165–167.
 4. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4 п. Оп. 33 а. Д. 257.
 5. НАРБ. – 1450. Оп. 2. Д. 1308.
 6. НАРБ. – 4 п. Оп. 33 а. Д. 311.
 7. Вяртанне ў рабства: прымусовая праца насельніцтва Беларусі 1941–1944 гг. / А.М. Літвін, Я.А. Грэбень, С.Я. Новікаў ; агул. рэд. А.М. Літвіна ; пер. В.А. Лойка, С.П. Паўлавіцкі. – Мінск : Тэсей, 2010. – 584 с.
 8. Гребень, Е.А. Гражданское население Беларуси в условиях немецкой оккупации (1941–1944 гг.) : моногр. / Е.А. Гребень. – Минск : БГАТУ, 2016. – 496 с.

OCCUPATIONAL ROUTINE OF THE BELARUSIAN PODVINYE IN THE DOCUMENTS OF RESISTANCE

Y. HREBEN

The article, based on the data of partisan intelligence, reconstructs the daily life of the population of the Podvinye in the conditions of the Nazi occupation on the example of Polotsk. It is noted that, because of the fact that the documents of the Polotsk local assistant administration have not been preserved, the introduction of the documents of the Resistance into scientific study is very important. This group of sources makes it possible to characterize certain aspects of life and life of citizens, but some moments do not correspond to the general picture of occupational everyday life, reconstructed on the basis of documents of the German occupation and local auxiliary administration.

Keywords: *everyday life, the Nazi occupation, Belarus.*